

ПОЛИТЭКОНОМИЯ

УДК 330. 341.424: 339.9

JEL: B.41

Михаил Зверяков

Андрей Грималюк

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ И АДМИНИСТРИРОВАНИЯ

Проанализирована правовая форма публичного управления, исследовано его внутреннее экономическое содержание, связанное с материальными производственными отношениями и имманентными им объективными экономическими законами.

Методология исследования базируется на разграничении структуры и динамики политико-экономической системы, последовательно проводимой Одесской школой экономической теории.

Показано, что политико-экономическое содержание публичного управления и администрирования всегда носит конкретно-исторический характер. Современным эталоном эффективной политико-экономической системы есть "зеркальная симметрия" её структурных и динамических зависимостей. Такая "зеркальная" симметрия достигается только тогда, когда направленная сверху вниз динамическая зависимость включает все структурные уровни политико-экономической системы в последовательности: публичное управление и администрирование – объективные производственные отношения – производительные силы общества. Если один из трёх уровней выпадает из "цепочки" динамических зависимостей, система перестаёт отвечать политико-экономическим требованиям современного развития и оказыва-

Зверяков Михаил Иванович (k.zet@ukr.net), д-р экон. наук, проф., чл.-корр. НАН Украины; заведующий кафедрой общей экономической теории и экономической политики Одесского национального экономического университета. <https://orcid.org/0000-0003-0039-5068>

Грималюк Андрей Викторович (andregrim01@gmail.com), д-р экон. наук; доцент кафедры общей экономической теории и экономической политики Одесского национального экономического университета. <https://orcid.org/0000-0002-8323-9193>

*Цитирование. Зверяков М.И., Грималюк А.В. Теоретические основы политико-экономического анализа публичного управления и администрирования. *Экономическая теория*. 2022. № 2. С. 5–28.*

© М. Зверяков, А. Грималюк, 2022

ISSN 1811-3133. *Экономическая теория*. 2022. № 2: 5–28

ется неспособной находить адекватные ответы на исторические вызовы.

В современной государственно-капиталистической модели управляемого развития динамическая зависимость способна охватить все три структурных уровня в процессе сознательного использования объективных экономических законов капитализма на развитие производительных сил, включая публичное управление и администрирование.

Практическая значимость результатов исследования связана с обоснованием объективной необходимости для Украины государственно-капиталистической модели управляемого развития, в которой публичное управление и администрирование направлены на сознательное использование объективных экономических законов для развития производительных сил.

Ключевые слова: политико-экономический анализ; публичное управление и администрирование; государственный капитализм; управляемое развитие; либеральная модель управления; стихийное развитие.

THEORETICAL FUNDAMENTALS OF POLITICAL-ECONOMIC ANALYSIS OF PUBLIC GOVERNANCE AND ADMINISTRATION

Mykhailo Zveryakov (k.zet@ukr.net), Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Ukraine, Head of the Department of General Economic Theory and Economic Policy Odessa National Economic University. <https://orcid.org/0000-0003-0039-5068>

Andrii Hrymaliuk (andreigrim01@gmail.com), Doctor of Economics, Associate Professor of the Department of General Economic Theory and Economic Policy Odessa National Economic University. <https://orcid.org/0000-0002-8323-9193>

The legal form of public administration is analyzed, its internal economic content related to material production relations and the objective economic laws immanent in them is investigated.

The research methodology is based on the demarcation of the structure and dynamics of the political-economic system, which is consistently carried out by the Odesa School of Economic Theory.

It is shown that the political and economic content of public management and administration always has a concrete-historical character. The modern standard of an effective political and economic system is the "mirror symmetry" of its structural and dynamic dependencies. Such "mirror" symmetry is achieved only when the "top-down" dynamic dependence includes all structural levels of the political-economic system in sequence: public management and administration - objective production relations - productive forces of society. If one of these three levels falls out of the "chain" of dynamic dependencies, the system ceases to meet the political and economic requirements of modern development and is unable to find adequate answers to historical challenges.

In the modern state-capitalist model of managed development, dynamic dependence is able to cover all three structural levels in the process of consciously using the objective economic laws of capitalism for the development of productive forces, including public management and administration.

The practical significance of the research results is related to the justification of the objective necessity for Ukraine of a state-capitalist model of managed development, in which public management and administration are aimed at the conscious use of objective economic laws for the development of productive forces.

Key words: political-economic analysis; public management and administration; state capitalism; managed development; liberal model of governance; spontaneous development.

Введение

Современная экономическая теория располагает обширным корпусом научной литературы, в которой экономика исследуется как система власти (*Bardhan, 2018; Bocage, 2019; Clegg, 2007; Dugger, 2018; Lukes, 2019; Papandreou, 2092; 2092; 2018; Schutz, 1995; Rothschild, 1971*). Однако в большинстве своём понятие власти рассматривается в ней по отношению не к публичному управлению и администрированию, а к частным и корпоративным экономическим субъектам, и только во вторую очередь – по отношению к публичному управлению.

Объективная историческая база такой логической последовательности коренится в отчуждённой, фетишистской структуре рыночной экономики. При этом метод объективно определяется предметом в том смысле, что логика анализа такой системы власти в целом отражает имманентное товарному производству овеществление и отчуждение общественных отношений, которые в отличие от имманентного творчеству отношений свободного субъект-субъектного общения между людьми выступают как отчуждённые от людей и господствующие над ними стихийные рыночные силы, подчиняют их себе и превращают из субъектов в агентов отчуждённых от них производственных отношений.

Однако благодаря публичному управлению и соответствующим институциональным формам хозяйствования общество в принципе может сознательно использовать имманентные данным производственным отношениям объективные экономические законы для развития своих производительных сил. Такое общество выступает как коллективный субъект-объект, диалектически "впитывающий" в себя материальность производственных отношений и сознательно использующий имманентные им объективные экономические законы. Наиболее яркими примерами такого коллективного субъекта, сознательно использующего объективные экономические законы капитализма, в современном мире выступают

такие новые индустриальные страны, как Южная Корея, Китай, Сингапур и Тайвань (Гриценко, 2021; 2017; Тарасевич, 2015; Бодров, 2016).

Что касается литературы по публичному управлению и администрированию, то в ней в центре внимания оказывается прежде всего их чисто внешняя, политико-правовая форма, тогда как их реальному политико-экономическому содержанию не уделяется достаточно внимания. Поэтому возникает проблема соединения анализа этой внешней формы публичного управления с исследованием его внутреннего экономического содержания, связанного с материальными производственными отношениями и с имманентными им объективными экономическими законами.

При этом следует учитывать, что практически все многочисленные школы и направления экономической мысли, начиная с меркантилизма и заканчивая современным неоклассическим "мейнстримом", так или иначе затрагивают проблемы публичного управления и администрирования. Более того, мейнстрим современной экономической теории включает особый раздел, занимающийся анализом влияния факторов публичной политики на экономическую стратегию государства. Эту свою составную часть неоклассика по сути и называет "политической экономией", придавая этому названию крайне узкий смысл. Поскольку при этом рассматривается, прежде всего, негативное влияние политических факторов на экономические решения государства, нетрудно сделать вполне неолиберальное заключение о том, что государству лучше вообще меньше вмешиваться в экономику.

В XX веке широкую популярность приобрела теория так называемого "отделения власти от собственности". Примером этого подхода может служить концепция "нового индустриального общества" Джона Гелбрейта. Носителем реальной власти у Дж. Гелбрейта выступает техноструктура крупных корпораций (Galbraith, 1967), цели которой в чём-то совпадают, а в чём-то могут не совпадать с интересами общества. По мнению Дж. Гелбрейта, государственная власть должна вмешиваться тогда, когда эти цели не совпадают (Galbraith, 1973; 1956; 1984). Государство рассматривается здесь как уравнивающая сила, призванная своим вмешательством компенсировать фактическое неравновесие власти таких экономических субъектов, как, например, фермеры и крупные корпорации. При таком подходе в качестве первичного исходного пункта выступает реальная власть техноструктуры крупных корпо-

раций, а государственной власти отводится лишь вторичная, компенсирующая роль.

Несколько иначе подходит к этим вопросам Макс Вебер, рассматривающий государственную бюрократию как одно из проявлений процесса рационализации и последовательно разграничивающий понятие легитимности и легальности. М. Вебер использовал понятие легитимности для характеристики социального порядка, который благодаря своему престижу устанавливает образец поведения и диктует индивидам обязательные требования (*Weber, 2019*). Тем самым он последовательно отличает легитимность как реальную значимость социального порядка для поведения людей от легальности как чисто формального соответствия юридическим законам этой страны (*Parsons, 1991; Schmitt, 2004*).

Во второй половине XX века проблема кризиса легитимности оказалась в центре внимания Франкфуртской школы. Самым ярким примером могут служить работы Юргена Хабермаса (1989, 1976) *LegitimationCrisis*. Ю. Хабермас сводит проблематику легитимации к вопросу о публичном обсуждении ценностей, узаконивающих социальный порядок. Такая постановка проблемы легитимации в конечном счёте логически ведёт к его знаменитой концепции так называемого "коммуникативного действия", в центре которой оказывается понятие консенсуса (*Habermas, 1984*).

В литературе по публичному управлению и администрированию основное внимание сосредоточено на чисто внешней, политико-правовой форме. Прежде всего здесь рассматриваются субъекты, объекты, формы и методы публичного управления, система органов законодательной, исполнительной и судебной власти, полномочия отдельных министерств, деятельность территориальных органов исполнительной власти, концепции местного самоуправления и его конституционно-правовые основы, проблемы обеспечения законности и специфика юридической ответственности в сфере публичного управления, вопросы государственной службы и государственной кадровой политики, механизмы публичного контроля в сфере исполнительной власти, взаимоотношения ветвей публичного управления, проблемы административной реформы и т.д. В то же время объективному экономическому содержанию публичного управления, связанного с системой производственных отношений, не уделяется достаточно внимания. Поэтому целью статьи является определение теоретических основ анализа внешней, политико-правовой формы публичного управления и администрирования в диалектической взаимосвязи с объективным эконо-

ISSN 1811-3133. Экономическая теория. 2022. № 2

мическим содержанием, которое образуют материальные производственные отношения и имманентные им объективные экономические законы.

Важнейшей методологической основой решения этой непросто́й научной задачи является разграничение структуры и динамики политико-экономической системы, последовательно проводимое Одесской школой экономической теории. При этом следует учитывать, что исходным пунктом научной школы, сложившейся в Одессе во второй половине XX века, является методология своеобразного препарирования экономических явлений посредством последовательного разграничения их формальной и реальной сторон. В первую очередь речь идёт о последовательном разграничении правовой формы и объективного экономического содержания собственности. Следуя этой методологии анализа, Одесская школа рассматривает экономическое содержание собственности как систему объективных производственных отношений. Тем самым она мысленно "препарирует" феномен собственности, последовательно отделяя объективное содержание от волевых отношений, образующих правовую форму собственности (Зверяков, 2021; Зверяков, Грималюк, 2018).

Однако логика последовательного научного восхождения от абстрактного к конкретному, имманентная политической экономии предполагает, что за таким аналитическим разграничением должен следовать теоретический синтез объективной и волевой сторон единой политико-экономической системы. Одесская школа разработала методологическую основу этого синтеза, связанную с последовательным разграничением структуры и динамики экономической системы и позволяющую логически последовательно интегрировать волевой фактор в предмет политической экономии. Такое диалектическое единство анализа и синтеза даёт возможность лучше понять динамическую сторону политико-экономической системы. Такая методология позволяет Одесской школе категориально сформулировать свой научный подход к экономическому анализу публичного управления и администрирования в Украине.

Методологические основы политико-экономического анализа волевых отношений

Начало Одесской школы экономической мысли, сложившейся под руководством Анатолия Карповича Покрытана, было положено последовательным разграничением правовой формы и экономического содержания собственности. Перенеся акцент на объективное

экономическое содержание собственности, А. Покрытан в то же время в полной мере признавал, что волевые отношения, связанные с правом собственности, являются важным фактором развёртывания экономических процессов. Именно в этом он видел истоки иллюзорного, ошибочного представления о том, что право собственности определяет характер экономических отношений между людьми и тем самым образует их основу. А. Покрытан стремился показать, что характерное для советского официоза представление об определяющей роли волевых отношений, о том, что они предшествуют производству и образуют его основу, является, мягко говоря, поверхностным. Он считал, что экономическая теория вообще напрямую не занимается изучением волевых отношений и права собственности; она изучает экономическое содержание собственности, которое образует вся система экономических отношений каждого общества.

Важнейшую особенность экономического содержания собственности он связывал с тем, что производственные отношения возникают и воспроизводятся в процессе материального производства условий жизни людей. Поэтому главная особенность экономического содержания собственности в том, что оно определяется состоянием производительных сил, которое не может быть немедленно изменено в зависимости от воли людей. Этим оно кардинально отличается от права собственности, которое выступает как волевое отношение и поэтому может напрямую изменяться под влиянием волевого фактора.

Например, со стороны права собственности товар предстаёт как вещь, являющаяся предметной сферой выражения воли его владельца. Товар становится объектом формально свободных волевых действий его владельца, который по своему усмотрению, ни у кого не спрашивая разрешения и не дожидаясь какой-либо директивы, сам решает, что ему производить и что делать с производимым продуктом: кому, когда и как его продать. Тем самым товаровладелец вправе распоряжаться своим продуктом.

Однако этого недостаточно для экономической реализации права частной собственности в процессе товарного обмена. Для этого нужно, чтобы и другие товаровладельцы относились к своему товару как к своей собственности, а к товару другого – как к чужой вещи. Иными словами, они должны признавать друг в друге частных владельцев. Тогда переход товаров из рук в руки происходит с помощью волевого акта, общего для обоих обменивающихся лиц. Формой этих волевых отношений становится договор, то есть со-

глашение товаровладельцев как лиц, свободно выражающих свою волю. Весь этот комплекс волевых отношений товаропроизводителей к вещи и друг к другу образует юридическое отношение или право частной собственности.

Но это лишь формальное определение, не затрагивающее экономическое содержание собственности, которое дано самими экономическими отношениями, в данном случае – коренится в товарном характере самого производства. Наоборот, чтобы исследовать отношения собственности со стороны их объективного содержания, надо обратиться к таким категориям, как конкуренция, рынок, цена, спрос, предложение, меновая стоимость, труд и т. п. С помощью этих категорий политическая экономия рассматривает производственные отношения как объективное экономическое содержание собственности. Экономическая теория исследует вещь в качестве товара осуществляет свое движение в общем динамическом потоке общественного воспроизводства, реагируя на все бесчисленные изменения объективных экономических условий. При этом в полной мере учитывается, что такие изменения постоянно происходят независимо от воли и сознания отдельных, экономически обособленных товаропроизводителей.

Но товаропроизводители как частные собственники, имеющие товар и свободно им распоряжающиеся, своими сознательными действиями способствуют тому, что товар оказывается в общем потоке движения товарной массы, в котором стоимость товара совершает свои метаморфозы. Иначе товарное производство не могло бы стихийно приспосабливаться к изменяющимся условиям рынка, не могло бы переключаться на изготовление других товаров, использовать новую технику и технологию, обменивать товары там, где это наиболее выгодно и т. д. Таким образом, экономическая наука рассматривает волевые действия людей и волевые отношения между ними как формы выражения объективных производственных отношений. Формально свободные и произвольные действия товаропроизводителей выступают как проявление объективной экономической необходимости, не зависящей от воли отдельных лиц.

В таком методологическом контексте частная собственность выступает как правовая форма выражения объективной экономической обособленности производителей, что является важнейшим условием товарного производства. Теория товарного производства исходит из того, что только продукты самостоятельных, независимых друг от друга частных работ противостоят друг другу как това-

ры. При этом не вещественные характеристики самого по себе товара, его потребительской стоимости, а условия и особенности процесса его производства являются ключевыми при определении степени развития товарных отношений. Товарами являются продукты труда обособленных друг от друга производителей, которые в условиях общественного разделения труда связаны между собой рынком. Вся система товарных отношений разворачивается из главного условия товарного производства – экономической обособленности производителей и их независимых друг от друга частных работ. Степень развития рыночной конкуренции находится в прямой зависимости от количества обособленных производителей и уровня их экономической обособленности.

С другой стороны, прогресс товарного производства означает в то же время развитие его общественного характера, то есть процесс обобществления производства. Обобществление производства означает слияние раздробленных процессов производства в разных обособленных звеньях экономики в единый общественный процесс производства. Эта тенденция характерна, прежде всего, для индустриального общества. Напротив, для доиндустриальной экономики типичным было раздробление средств производства между множеством изолированных друг от друга мелких хозяйств, применявших ручные орудия труда и индивидуальный, обособленный труд отдельных лиц. Только в индустриальном обществе, опирающемся на адекватный технологический базис в виде крупного машинного производства, средства производства и процесс труда приобретают общественный характер. Исходя из этого, политическая экономия исследует объективное экономическое содержание собственности через анализ таких противоположно направленных исторических процессов, как экономическое обособление и обобществление производства. При этом обобществление производства рассматривается как противоположный обособлению экономический процесс, связанный с развитием общественного характера производства, происходящего на основе развития его техники, технологии и организации. Уже капиталистическая мануфактура знаменует начало такого кардинального преобразования технологии производственного процесса. Но только последовательный переход от мануфактуры к фабрике, к крупному машинному производству означает создание адекватного индустриальному обществу технологического базиса как нового технологического способа производства, основанного на применении машин.

"Цифровизация" управления и становление нового технологического способа производства

К сожалению, в последнее время категория технологического способа производства редко встречается в литературе, несмотря на то что она выражает гораздо более фундаментальные закономерности исторического развития производительных сил, чем, к примеру, понятие технологического уклада. Технологический способ производства характеризует такой уровень исторического развития производительных сил, которому соответствует зрелое состояние общества и его экономической системы. Этот уровень предполагает такой специфический технологический способ соединения структурных элементов производительных сил, который отличает эту экономическую систему от других ступеней исторического развития.

При этом следует учитывать, что кардинальные изменения любого из элементов производительных сил, в принципе, могут вызывать соответствующие изменения во всей структуре технологического способа производства в целом. Например, по материалу, используемому для изготовления орудий труда, можно выделить каменный век, бронзовый век, железный век (на смену последнему, как считается, приходит сегодня эпоха синтетических материалов). По предмету труда и господствующему виду экономической деятельности выделяются эпохи преобладания охоты, скотоводства, земледелия, промышленного производства и т.д.

Однако главный признак, определяющий историческое изменение технологических способов производства – это характер связи человека с техникой. Сначала между человеком и техническими средствами труда устанавливается такой способ связи, который абсолютное большинство технологических функций отводит человеку: человек не только выполняет все умственные функции и координирует свои действия, но и сам двигает простое орудие и управляет им. Ручной технологический метод производства господствовал в течение долгого исторического периода, охватывающего тысячи лет, начиная с первобытных орудий, и занимал исключительное положение вплоть до первой промышленной революции, связанной с внедрением машин. На протяжении нескольких тысячелетий он не претерпевал принципиальных изменений, несмотря на усовершенствование технических средств труда.

За это время орудия труда из универсальных становятся всё более специализированными, усложняются и включают не один,

а целую систему элементов. Примерами этого могут быть плуги, метательные устройства, охотничьи капканы, мельницы, часовые механизмы и т.д. При этом субъективный фактор субъектно-объектной системы "человек-техника" тоже не остаётся неизменным, поскольку спорадически появляются разные формы кооперации труда, например, при сооружении пирамид, каналов, водопроводов, городских стен, укреплений и т.п.

Однако всё это не идёт ни в какое сравнение с теми беспрецедентными сдвигами в системе "человек-техника", которые произошли во время промышленного переворота и положили начало индустриальному технологическому способу производства. Речь идёт не просто о применении машин на фабриках и заводах, а о том, что человек фактически превращается в живой придаток машины, и кооперация труда в индустриальном производстве подчиняется кооперации машин. Такой тип связи субъективных и объективных элементов производительных сил, при котором кооперация труда подчиняется кооперации машин, является объект-субъектным, и в этом смысле новый технологический способ производства выступает как противоположность предыдущему.

В отличие от технологических укладов (насчитывающих обычно пять или шесть) технологических способов производства не так много – всего три: доиндустриальный способ производства, основанный на ручном труде; индустриальный – связанный с использованием машин, и, наконец, постиндустриальный, предусматривающий комплексную автоматизацию производства, охватывающую во всё возрастающей степени управленческие функции и позволяющую человеку выйти в перспективе из сферы материального производства и стать "рядом с ним и над ним". И хотя уже само начало этого перехода намечает общие контуры объективных тенденций его дальнейшего развёртывания (*Гриценко, 2017*), но при этом нет и объективно не может быть исторической модели его конечного пункта, то есть модели того общества, которое может стать результатом этого переходного процесса. Есть только понимание общей направленности изменений, позволяющее рассматривать "цифровизацию" как продолжение промышленной революции, создавшей трёхзвенную производственную систему: двигатель – передающий механизм – человек.

Такой подход помогает научно раскрыть наиболее важные особенности современной "цифровой" трансформации производства и управления. Главным из них является кардинальное изменение места человека в производственной системе: человек в ней

уже не придалок, и даже не контролёр машины. Здесь появляется четвёртый элемент – автоматическая система управления, и такая комплексная автоматизация качественно меняет место и роль человека в производстве, а потому и саму траекторию технического прогресса и всего исторического развития в XXI веке. Таким образом, основной критерий определения приоритетных тенденций общественного развития связан с влиянием новой техники на изменение положения человека и труда в процессе производства. Следовательно, чтобы понять логику развития современного научно-технического прогресса, необходимо определить границу развития индустриальной техники, одновременно содержащую исходный пункт развития принципиально новой техники и технологии (Зверяков, 2020. С. 15–18).

Если границей развития индустриальной техники являются физические возможности человека в процессе производства, то инновационное развитие в XXI веке способно обеспечить функционирование техники вообще без человека. Таким образом, новый, четвёртый элемент, возникший из предыдущего технического развития и сохраняющий достижение предыдущего технического прогресса, выступает интегральной частью новой индустриальной техники и снимает препятствие её развитию потому, что четвёртое звено новой техники заменяет ограниченные человеческие функции, выполняя их вместо рабочего. Этот этап технологического развития принципиально важен для системы экономических отношений, поскольку он модифицирует способ координации экономической деятельности, изменяет основные производственные отношения – отношения обмена труда на капитал и способствует превращению современного капитализма в государственный капитализм (Зверяков, 2018 С. 18–25; Тарасевич, 2015).

Новая технологическая революция приводит к коренным изменениям в системе производительных сил и предусматривает разработку долгосрочных целей в инновационно-технологической сфере, успешная реализация которых без активного участия государства, как показывает опыт, практически невозможна. Рынок с его ориентацией преимущественно на текущие результаты не может решать столь масштабные и долгосрочные задачи. Цифровые технологии действительно необходимы в качестве основы вхождения в новый этап индустриализации путём перехода к новой системе производительных сил, которые в свою очередь определяют направление изменений в экономических отношениях. Объективная необходимость такого перехода и создаёт потребность

в программе *новой индустриализации*, являющейся способом радикального обновления производительных сил в условиях развёртывания новой технологической революции. При этом внедрение цифровых технологий в сфере управления превращает прогнозирование производственных и социальных процессов в важнейший элемент адекватной организации современного производства. Следовательно, современная версия государственного капитализма позволяет совмещать рыночные отношения с активным участием государства в регулировании хозяйственной системы, в которой стимулируется частная форма бизнеса при выполнении общенациональных целей.

Стоит отметить, что когда в научной литературе происходящие сейчас в мировом хозяйстве глубинные изменения в технике и технологии сводятся к популярному лозунгу о грядущей "цифровой экономике", то при этом не всегда в полной мере учитывается, что сама по себе "цифровая технология" может стать лишь поводом для разговоров об очередной "инновационной модели развития". Такая абстрактная модель мало пригодна для реального развития страны, если она не рассматривается конкретно, в обязательной предметной связи с действительными возможностями её эффективного применения и ожидаемым влиянием на ту или иную сферу и на всю систему управления в целом.

Для Украины эти вопросы имеют отнюдь не только академическое, но и важное практическое значение. Перед ней тоже стоят проблемы использования цифровых технологий в процессе публичного управления и администрирования. Однако нужно чётко понимать, что для Украины "цифровизация" управления вовсе не панацея от всех бед и не должна вызывать эйфории, некоторые признаки которой можно наблюдать в современной литературе. При этом следует в полной мере учитывать, что эффективность и "цифровизации", и всего публичного управления исторически определяется в конечном счёте его реальным политико-экономическим содержанием.

Политико-экономическое содержание публичного управления и методология его анализа

Рассмотренный в контексте становления нового технологического способа производства процесс "цифровизации" наглядно показывает, что достигнутый уровень производительных сил определяет как характер объективных экономических отношений, так и многие изменения в сфере управления экономикой. Это харак-

терный пример структурной зависимости, имеющей в политико-экономической системе объект-субъектную направленность "снизу вверх", ведущую от производительных сил к производственным отношениям и от них – к общественному управлению и администрированию. Благодаря этой структурной зависимости производственные отношения приобретают свой материальный, объективный характер и образуют тем самым экономический базис общества, над которым возвышается политико-правовая надстройка, включающая публичное управление и администрирование. Открытие такой фундаментальной структурной зависимости явилось исходным пунктом научного познания общества. Её анализ позволяет получить моментальную фотографию или рентгеновский снимок общественной системы, который раскрывает её внутреннюю структуру на каждой ступени исторического развития.

В то же время в политико-экономической системе существуют зависимости и другого, динамичного порядка, характеризующиеся встречной, прямо противоположной направленностью "сверху вниз", ведущей от производственных отношений к производительным силам общества (Зверяков, Грималюк, 2019. С. 3–33). Речь идёт об активном влиянии капиталистических производственных отношений на развитие производительных сил, например, в процессе реального подчинения труду капитала, который начинается с простой капиталистической кооперации и мануфактуры и идёт в направлении становления крупного машинного производства. Такое обратное активное влияние производственных отношений объективно включено в механизм действия закона соответствия производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил, что охватывает, как известно, не только прямые, но и обратные связи между производительными силами и производственными отношениями.

При этом следует учитывать, что классическая объект-субъектная зависимость "производительные силы – производственные отношения – публичное управление и администрирование" выступает как статика социально-экономической системы, которая раскрывает её внутреннюю структуру на каждый данный момент развития исторического процесса. В то же время противоположная по своей направленности деятельно-практическая, субъект-объектная зависимость "публичное управление – производственные отношения – развитие производительных сил" образует динамическую сторону политико-экономической системы. Полнее всего она раскрывается тогда, когда общество сознательно использует

объективные экономические законы товарно-капиталистических производственных отношений для развития производительных сил. При таком деятельно-практическом подходе публичное управление и администрирование выступают как исходный пункт динамической зависимости, диалектически дополняющий структурную зависимость политико-экономической системы. Речь идёт прежде всего о том, что от публичного управления и администрирования во многом зависят конкретные формы действия объективных экономических законов и в конечном итоге – развитие производительных сил. Проблема лишь в том, что теория публичного управления и администрирования не всегда склонна последовательно разграничивать структуру и динамику политико-экономической системы.

Между тем конкретно-историческое содержание публичного управления и администрирования во многом определяется его способностью сочетать структурную и динамическую зависимости политико-экономической системы, занимая ключевое место в механизме их взаимодействия. Прежде всего, публичное управление образует верхний уровень объект-субъектной структурной зависимости, направленной "снизу вверх" в том смысле, что она выражает объективную историческую потребность в развитии производительных сил. Но дело не ограничивается тем, что публичное управление и администрирование образует верхний конечный пункт структурной зависимости политико-экономической системы. Выступая как конечный пункт этой структурной зависимости, публичное управление одновременно способно стать исходным пунктом динамической зависимости, направленной сверху-вниз и реализуемой в сознательном использовании объективных экономических законов для развития производительных сил.

Тем самым благодаря публичному управлению и администрированию структурная зависимость может диалектически переходить в динамическую зависимость, охватывающую в противоположном направлении все три структурных уровня политико-экономической системы: публичное управление – производственные отношения – производительные силы. Однако для этого необходима такая степень развития политико-экономической системы, для которой характерна зеркальная симметрия полностью развёрнутых структурной и динамической зависимостей, охватывающих все три структурных уровня.

Если в своей "верхней" точке эта единая цепочка зависимостей замыкается благодаря публичному управлению и администрированию, то её поворот в обратном направлении "снизу вверх"

связан с производительными силами. Развитие производительных сил выступает как конечный пункт динамической зависимости, реализуемый в процессе сознательного использования объективных экономических законов. В то же время этот уровень развития производительных сил, достигнутый в процессе столь полного развёртывания динамической зависимости, в свою очередь диалектически становится исходным пунктом структурной зависимости, направленной "снизу вверх" в том смысле, что производительные силы определяют производственные отношения, и эти производственные отношения становятся определяющими для волевых отношений.

Такой обратный диалектический переход динамической зависимости в структурную в "нижней" точке поворота, опосредованный развитием производительных сил, происходит в любом обществе в процессе действия универсального, общеэкономического закона соответствия производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил. Напротив, верхняя точка поворота этой исторической спирали предполагает особую, исторически специфическую политико-экономическую систему, представленную государственно-капиталистической моделью управляемого развития. В этом смысле такая "верхняя" точка соединения структурной и динамической зависимостей в единую спираль управляемого развития носит исторически конкретный характер.

Но в то же время государственно-капиталистическая модель управляемого развития является конкретной и в том диалектическом смысле, что она предполагает конкретный синтез противоположно направленных и полностью развёрнутых динамической и структурной зависимостей политико-экономической системы. Без публичного управления и соответствующего диалектического синтеза структурная и динамическая зависимости носят ещё в некотором смысле абстрактно-односторонний характер, поскольку собственными силами, порознь каждая из них соответствует только одной из сторон единой политико-экономической системы.

Мы видим, что публичное управление и администрирование объединяют структурную и динамическую зависимости политико-экономической системы в единую цепь, которая одновременно выступает как спираль сознательно управляемого процесса экономического развития. Сначала на своём структурном участке эта цепочка тянется "снизу вверх" от достигнутого уровня производительных сил до волевых отношений, доходит до уровня публичного управления и администрирования, разворачивается и двигается

в прямо противоположном направлении "сверху вниз" от публично-го управления через сознательное, целенаправленное использование объективных экономических законов к развитию производительных сил. Дойдя до уровня производительных сил, она снова разворачивается в "нижней" точке в направлении "снизу вверх", переходя этим в структурную зависимость политико-экономической системы. Таким образом, единая спиралевидная цепочка структурной и динамической зависимостей процесса управляемого экономического развития последовательно проходит все три уровня политико-экономической системы в двух прямо противоположных направлениях.

Это важнейшее преимущество государственно-капиталистической модели управляемого развития по сравнению с либеральной моделью стихийного развития экономики. В такой либеральной модели динамическая зависимость охватывает фактически только два уровня экономической системы: производительные силы и производственные отношения. Либеральное управление экономикой практически не участвует в диалектическом взаимопереходе структурной и динамической зависимости политико-экономической системы и поэтому не способно опосредовать этот переход.

В советской модели управления это спиралевидное движение истории также охватывало только два, но уже других уровня: государственное управление и производительные силы. Объективные производственные отношения здесь выпадали из единой спиралевидной цепочки исторического процесса и фактически подменялись волевыми отношениями командно-административного управления. Из-за сворачивания товарно-капиталистических производственных отношений и динамическая, и структурная зависимости не могли достичь в советской системе своего полного развития.

В отличие от советской системы и от либеральной модели зеркальная симметрия государственно-капиталистической модели управляемого развития означает полное трёхуровневое развитие и диалектический взаимопереход структурной и динамической зависимостей, образующих единую спиралевидную цепь сознательно управляемого экономического развития. Такая зеркальная симметрия способна обеспечить динамическое равновесие и устойчивость системы публичного управления и всей политико-экономической системы.

Напротив, стихийный характер развития проявляется в неравновесном и внутренне неустойчивом характере политико-экономической системы, поскольку для либеральной модели ха-

рактенно отсутствие полной зеркальной симметрии, охватывающей все три структурных уровня. В такой политико-экономической системе симметрия способна охватить в лучшем случае всего два структурных уровня, поскольку в этом случае общество не способно сознательно использовать товарно-капиталистические производственные отношения для развития своих производительных сил. Такая наполовину свёрнутая, неполная динамическая зависимость, ещё не раскрывшаяся исторически, может охватить лишь два структурных уровня политико-экономической системы: производительные силы и производственные отношения. Наиболее ярко эта динамическая зависимость проявилась на ранней ступени развития капитализма, когда новые к тому времени производственные отношения полностью перестроили технологию производства в направлении создания адекватного технического базиса капиталистического общества. Речь идёт прежде всего о процессе реального подчинения труда капиталу, который, как известно, сопровождался процессом капиталистического обобществления производства и переходом от простой капиталистической кооперации и мануфактуры к крупному машинному производству фабричного типа.

Таким образом, если, с одной стороны, структурная зависимость в модели стихийного развития капиталистической экономики включает все три структурных уровня, то, с другой стороны, динамическая зависимость охватывает не три, а только два из них – производительные силы и производственные отношения. В то же время верхний уровень, связанный с публичным управлением и администрированием, в либеральной модели "провисает" из-за стихийного, неуправляемого характера экономического развития, происходящего на основе стихийного влияния капиталистических производственных отношений и имманентных им объективных экономических законов на развитие производительных сил. Поэтому исходным пунктом динамической зависимости здесь выступает не публичное управление, а капиталистические производственные отношения. В результате в либеральной модели складывается своего рода системная асимметрия структурной и динамической зависимостей, поскольку одна из них включает все три структурных уровня, а другая способна охватить только два из них. Эта системная асимметрия выражается в нестабильности либеральной модели стихийного развития экономики.

На основе сравнительного анализа темпов роста китайский экономист Эньфу Ченг показывает, что средние темпы роста Китая после 1980 года никогда не были менее чем на 4% выше, чем

в странах Глобального Севера, то есть в высокоразвитых странах. Такой разрыв включает весомый антициклический элемент, который имеет тенденцию увеличиваться при спаде капиталистического мира и уменьшаться во время его подъёмов. Это говорит о том, что экономический рост Китая имеет важную автономную составляющую, которая "отделяет" его от кризисов, поражающих Глобальный Север (*Enfu*, 2019). Такую автономную составляющую можно рассматривать как точное количественное выражение исторического превосходства модели управляемого развития, для которой характерен устойчивый рост экономики.

Объективно общественно-экономический строй, который сегодня называется в КНР социализмом с китайской спецификой, является смешанной экономикой государственного капитализма, где очень разнообразные по уровню своего развития производительные силы, где сосуществуют разные по формам собственности типы хозяйств и соответствующие им отношения производства и распределения материальных благ. Поэтому скорее можно говорить о государственном капитализме с китайской спецификой, исходя из того, что основную долю ВВП и большинство рабочих мест в стране создаёт частный бизнес, а малые и средние частные предприятия в КНР – это более 60% ВВП страны и более 80% рабочих мест (*Huang*, 2018. Р. 138).

В этом смысле государственный капитализм объективно означает для современной Украины такую апробированную мировым опытом такую переходную экономическую форму, которая доказала на практике свою адекватность условиям трансформации командной системы в рыночную экономику. Такая *государственно-капиталистическая модель* (в другой редакции – смешанная экономика) является исторически перспективной благодаря своей вариативности и изменчивости. Природа такой государственно-капиталистической экономики состоит в том, что она выступает как переходная форма между разными полюсами хозяйственного устройства – планом и рынком.

Формы сочетания этих разных по своей природе элементов в модели государственного капитализма могут быть бесконечно разнообразны, сочетаться в разных пропорциях и комбинациях. Международный опыт свидетельствует о том, что объединение рыночных сил и частной собственности с регуляторными силами государства в единую модель управляемого развития способно придать государственному капитализму мощный заряд исторического динамизма. Такой синтез противоположностей может стать

важнейшим источником развития по пути технологической модернизации и структурной перестройки национальной экономики в процессе послевоенного восстановления.

Выводы

Рассмотрение в статье теоретических основ политико-экономического анализа публичного управления приводит к следующим выводам.

1. Если политико-экономическое исследование собственности методологически предполагает прежде всего аналитическое разграничение волевой и объективной сторон этого сложного социального явления, то теоретическое исследование публичного управления и администрирования переносит акцент на дополнение аналогичного анализа синтезом волевой и объективной сторон единой политико-экономической системы.

2. Поскольку в этом случае на передний план выходит динамическая зависимость политико-экономической системы, которая имеет субъект-объектную направленность: публичное управление и администрирование – экономические отношения – развитие производительных сил, то в отличие от политико-экономического исследования собственности теоретический анализ публичного управления и администрирования должен с необходимостью исходить из того, что его реальное содержание является по своей природе не сугубо объективным, а субъект-объектным, и эта важнейшая особенность самого предмета исследования во многом определяет методологическую специфику его исследования.

3. Если политико-экономическое исследование собственности начинается с товарного отношения, и эта логика анализа вполне релевантна природе товарно-капиталистического производства, которая превращает экономических субъектов в агентов отчуждённых от них объективных производственных отношений, то при изучении современной модели публичного управления следует в полной мере учитывать, что она предполагает сознательное использование объективных экономических законов капитализма для развития производительных сил.

4. Таким образом, поскольку метод определяется предметом, то в процессе теоретического анализа публичного управления и администрирования на передний план выходит изучение субъект-объектной динамической зависимости политико-экономической системы в диалектическом единстве с её объект-субъектной структурной зависимостью, исходя из того, что сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его.

5. Политико-экономическое содержание публичного управления и администрирования всегда носит конкретно-исторический характер. В процессе исторического развития оно диалектически обогащается новыми определениями. На современном этапе исторического развития публичное управление и администрирование призвано использовать объективные экономические законы капитализма для развития производительных сил.

6. Современным эталоном эффективной политико-экономической системы является зеркальная симметрия её структурных и динамических зависимостей. Такая зеркальная симметрия достигается только тогда, когда направленная сверху вниз динамическая зависимость включает все структурные уровни политико-экономической системы в последовательности: публичное управление и администрирование – объективные производственные отношения – производительные силы общества.

7. Если один из этих трёх структурных уровней заметно провисает или вообще выпадает из цепочки динамических зависимостей, система перестаёт отвечать политико-экономическим требованиям современного развития и оказывается неспособной находить адекватные ответы на исторические вызовы.

8. В современной государственно-капиталистической модели управляемого развития динамическая зависимость способна охватить все три структурных уровня в процессе сознательного использования объективных экономических законов капитализма для развития производительных сил, включая публичное управление и администрирование. Таким образом, происходит процесс последовательного исторического развития динамической стороны политико-экономической системы, которая достигает своего наиболее полного развёртывания в условиях государственно-капиталистической модели управляемого развития.

9. Методологически неправомерно недооценивать значение направленной сверху вниз динамической политико-экономической зависимости, которая выдвигается на передний план в государственно-капиталистической модели управляемого развития. Однако и структурная зависимость, имеющая противоположную объект-субъектную направленность снизу вверх, не отодвигается слишком далеко. На современной ступени развития она проявляется прежде всего в объективной исторической необходимости товарно-капиталистических производственных отношений и сознательного использования объективных экономических законов капитализма для развития современных производительных сил.

В этой статье рассмотрены лишь некоторые теоретические основы политико-экономического подхода к анализу публичного правления и администрирования, но, разумеется, ещё не может быть представлена вся соответствующая система категорий. Изложение основного содержания экономической теории публичного управления и администрирования, её логической структуры и категориального аппарата выходит за рамки отдельно взятой статьи. Однако даже такого контурного методологического наброска может быть достаточно для постановки этой теоретической проблемы и её обсуждения в научной литературе.

Литература

1. Бодров В. Г. (2016). Інформаційна економіка і публічне управління: теоретико-прикладні аспекти. *Науковий збірник Університету митної справи та фінансів*. Дніпро: Університет митної справи та фінансів. № 2(15). С. 7–16.
2. Гриценко А. А. (2017). Логіко-історичні засади кардинальних економічних змін і переходу до реконструктивного розвитку. *Економіка України*. № 5. С. 39–57.
3. Гриценко А. А. (2021). Наукові засади дослідження комплементарності взаємозв'язку інформаційно-цифрових, економічних і соціальних перетворень. *Комплементарність інформаційно-цифрових і соціально-економічних перетворень як умова стабільного розвитку суспільства* / НАН України, ДУ "Ін-т екон. та прогноз. НАН України". Київ. С. 164–182.
4. Зверяков М. І., Грималюк А. В. (2018). Одеська школа та сучасність. *Економічна теорія*. № 2. С. 5–21. <https://doi.org/10.15407/etet2018.02.005>
5. Зверяков М. І. (2018). Теоретична парадигма сталого розвитку та українські реалії. *Економіка України*. № 10. С. 10–31. <https://doi.org/10.15407/economyukr.2018.10.010>
6. Зверяков М. І., Грималюк А. В. (2019). Економічна теорія, державна політика і публічне управління. *Економіка України*. № 11–12. С. 3–33.
7. Зверяков М. І. (2020). Економічний розвиток в епоху становлення "цифрового капіталізму". *Економіка України*. № 8. С. 3–23. <https://doi.org/10.15407/economyukr.2020.08.003>
8. Зверяков М. І. (2021). Наукова спадщина А.К. Покритана у світлі сучасних проблем економічної теорії. *Економіка України*. № 1. С. 84–92. <https://doi.org/10.15407/economyukr.2021.01.084>
9. Тарасевич В. М. (2015). Про державно-капіталістичної обумовленості інноваційного розвитку національної економіки. *Економіка України*. № 11. С. 16–31; № 12. С. 10–25.
10. Bardhan, P. (2018). On the Concept of Power in Economics. *Economics and Politics*. № 3. P. 265–277. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0343.1991.tb00050.x>
11. Bocage, D. (2019). *General Economic Theory of Fracois Perroux*. Lahman: University Press of America.
12. Clegg, S. (2007). *The Theory of Power and Organization*. London: Routledge.
13. Dugger, W.M. (2018). *Corporate Power*. New York: Greenwood Press.
14. Enfu Cheng. (2019). *The Creation of Value by Living Labor: A Normative and Empirical Study*. Vol. 2. London and Istanbul: Canut Press.

15. Galbraith, J. K. (1956). *American Capitalism: The Concept of Countervailing Power*. Boston: Houghton Mifflin Co.
16. Galbraith, J. K. (1967). *New Industrial State*. Boston: Houghton Mifflin Co.
17. Galbraith, J. K. (1973). *Economics and the Public Purpose*. Boston: Houghton Mifflin Co.
18. Galbraith, J. K. (1984). *The Anatomy of Power*. Bungay, Suffolk: Richard Clay Ltd.
19. Habermas, Ju. (1962 trans. 1989). *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, UK: Polity.
20. Habermas, Ju. (1976). *Legitimation Crisis*. Cambridge, UK: Polity.
21. Habermas Ju. (1984). *Theory of Communication Action 1: Reason and the Rationalization of Society*. Boston, Mass.: Beacon Press.
22. Lukes, S. (2019). *Power: A Radical View*. London: Macmillan.
23. Papandreou, A. (1994). *Externality and Institutions*. Oxford: Clarendon Press.
24. Parsons, T. (1951). *The Social System*. London: Routledge.
25. Qunhui Huang. (2018). *China's Industrialization Process*. Singapore: Springer Singapore. <https://doi.org/10.1007/978-981-10-3665-1>
26. Rothschild Kurt W. (1971). *Power in economics: selected readings*. Penguin, [Harmondsworth, Eng.]
27. Russell, B. (2020). *Power*. London: Routledge.
28. Schmitt, C. (2018). *Legality and Legitimacy*. Durham: Duke Univ. Press.
29. Schutz, E. (1995). *Markets and Power*. *Journal of Economic Issues*. Vol. XXIX. No.4. P. 1147-1170. <https://doi.org/10.1080/00213624.1995.11505745>
30. Takata, Y. (2018). *Power Theory of Economics*. New York: St. Martins Press.
31. Weber, M. (1921) 2019. *Economy and Society: A New Translation*. Harvard: Univ. Press. <https://doi.org/10.4159/9780674240827>

Поступление в редакцию 23 мая 2022 года

Прорецензировано 31 мая 2022 года

Подписано в печать 30 июня 2022 года

References

1. Bodrov, V. H. (2016). Information economics and public administration: theoretical applied aspects. *Naukovyi zbirnyk Universytetu mytnoi spravy ta finansiv – Scientific collection of the University of Customs and Finance*. Dnipro: University of Customs and Finance, 2 (15), 7-16 [in Ukrainian].
2. Hrytsenko, A. A. (2017). Logical and historical foundations of radical economic changes and the transition to reconstructive development. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 5, 39-57 [in Ukrainian].
3. Hrytsenko, A. A. (2021). Scientific bases of research of complementarity of interrelation of information-digital, economic and social transformations. NAS of Ukraine, SI "Inst. Of Economics. and predicted. NAS of Ukraine" [in Ukrainian].
4. Zvieriakov, M. I., Hrymaliuk, A. V. (2018). Odesa school and modernity. *Ekonom. teor. – Economic theory*, 2, 5-21. <https://doi.org/10.15407/etet2018.02.005> [in Ukrainian].
5. Zvieriakov, M. I. (2018). Theoretical paradigm of sustainable development and Ukrainian realities. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 10, 10-31. <https://doi.org/10.15407/economyukr.2018.10.010> [in Ukrainian].
6. Zvieriakov, M. I., Hrymaliuk, A. V. (2019). Economic theory, public policy and public administration. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 11-12, 3-33 [in Ukrainian].

7. Zvieriakov, M. I. (2020). Economic development in the era of "digital capitalism". *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 8, 3-23. <https://doi.org/10.15407/economyukr.2020.08.003> [in Ukrainian].
8. Zvieriakov, M. I. (2021). The scientific heritage of AK is covered in the light of modern problems economic theory. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 1, 84-92. <https://doi.org/10.15407/economyukr.2021.01.084> [in Ukrainian].
9. Tarasevich, V. M. (2015). On the state-capitalist conditionality of innovation development of the national economy. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 11, 16-31, 12. 10-25.
10. Bardhan, P. (2018). On the Concept of Power in Economics. *Economics and Politics*, 3, 265-277. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0343.1991.tb00050.x>
11. Bocage, D. (2019). General Economic Theory of Fracois Perroux. Lahman: University Press of America.
12. Clegg, S. (2007). The Theory of Power and Organization. London: Routledge.
13. Dugger, W. M. (2018). Corporate Power. New York: Greenwood Press.
14. Enfu Cheng. (2019). The Creation of Value by Living Labor: A Normative and Empirical Studies. Vol. 2. London and Istanbul: Canut Press.
15. Galbraith, J. K. (1956). American Capitalism: The Concept of Counter-vailing Power. Boston: Houghton Mifflin Co.
16. Galbraith, J. K. (1967). New Industrial State. Boston: Houghton Mifflin Co.
17. Galbraith, J. K. (1973). Economics and the Public Purpose. Easton: Houghton Mifflin Co.
18. Galbraith, J. K. (1984). The Anatomy of Power. Bungay, Suffolk: Richard Clay Ltd.
19. Habermas, Ju. (1962 trans. 1989). The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, UK: Polity.
20. Habermas, Ju. (1976). Legitimation Crisis. Cambridge, UK: Polity.
21. Habermas Ju. (1984). Theory of Communication Action1: Reasonand the Rationalization of Society. Boston, Mass.: Beacon Press.
22. Lukes, S. (2019). Power: A Radical View. London: Macmillan.
23. Papandreou, A. (1994). Externality and Institutions. Oxford: Claredon Press.
24. Parsons, T. (1951). The Social System. London: Routledge.
25. Qunhui Huang. (2018). China's Industrialization Process. Singapore: Springer Singapore. <https://doi.org/10.1007/978-981-10-3665-1>
26. Rothschild Kurt W. (1971). Power in economics : selected readings. Penguin, [Harmondsworth, Eng.]
27. Russell, B. (2020). Power. London: Routledge.
28. Schmitt, C. (2018). Legality and Legitimacy. Durham: Duke Univ. Press.
29. Schutz E. (1995). Markets and Power. *Journal of Economic Issues*, XXIX (4), 1147-1170. <https://doi.org/10.1080/00213624.1995.11505745>
30. Takata, Y. (2018). Power Theory of Economics. New York: St. Martins Press.
31. Weber, M. (1921) 2019. Economy and Society: A New Translation. Harvard: Univ. Press. <https://doi.org/10.4159/9780674240827>

Received on May 23, 2022

Reviewed May 31, 2022

Signed for printing on June 30, 2022